

УДК 123.456'89+70

*Валентина Авраамовна Маслова
(Белоруссия)*

«ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ...»: САКРАЛЬНОЕ И СВЕТСКОЕ В КОНЦЕПТЕ «ЛЮБОВЬ»

В статье рассматривается любовь как сложное духовно-нравственное проявление личности, в котором тесно переплетены сакральное и светское. С одной стороны, любовь – это Божий дар, высшая ценность, с другой – она приземлена, в основном телесна, хотя и помогает личности раскрыться.

Концепт, ценность культуры, теоантропокосмическая парадигма, теолингвистика, теоконцептологический анализ

Любовь – одно из самых главных проявлений личности, богатых индивидуально-неповторимыми нюансами, это главная ипостась личности, которая характеризует ее (личность). Любовь уникальна, личностна в каждом конкретном случае. В ее сущности пытаются разобраться философы, психологи, лингвисты, представители этики. Потребность в любви относится к базовым потребностям человека (А. Маслоу).

Слова, вынесенные в заглавие, заключают в себе высшую мудрость, высшую любовь и полностью звучат так: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца Вашего небесного». Это идеал, к которому человек должен стремиться всю свою жизнь, а в реальной жизни мы слабы и грешны, о чем говорят наши дела и помыслы, наша литература и живопись, наша культура.

Любовь как дар Божий понимали лучшие представители русской культуры. Так, Куприн считал, что любовь даруется немногим. В своей повести «Поединок» устами офицера Назанского он говорит: любовь – «удел избранных... все люди обладают музыкальным слухом... а один из них – Бетховен. Так во всем: в поэзии, в искусстве, в мудрости... И любовь имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов». А Господь нас учит любить всех и всегда. Попытаемся в этом разобраться через реконструкцию концепта, важнейшего понятия современной лингвоконцептологии.

Возникновение категории концепта (лат. *conceptus* – понятие) исторически восходит к Пьеру Абеляру (1079–1142), который рассматривал концепт как форму «схватывания» смысла; как «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речи душе»; как связывание высказываний в одну точку зрения.

В русской лингвистике на сегодняшний день существует целый ряд моделей концептов и подходов к их описанию, из которых мы выделяем два основных – *лингвокогнитивный* (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.) и *лингвокультурологический* (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красовский, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова и др.). Эти подходы различаются не только векторами по отношению индивид – культура, но и моделью описания.

Как представитель второго направления предлагаю следующее понимание термина «концепт»: это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, отношение говорящего к объекту, различные коннотации и ассоциации, возникающие при его восприятии, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и даже целых текстов). Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип, как справедливо утверждает В.И. Карасик.

Уже созданы прекрасные словари концептов (Ю.С. Степанов «Константы русской культуры» (М., 1996), «Антология концептов» под ред. В.И. Карасика и И.А. Стернина (М., 2007), «Славянская концептосфера в сопоставительном освещении. Лексикон». (Самара, 2011), вышло несколько томов «Концептуальных исследований» под ред. М.В. Пименовой и др.), однако важнейшие концепты культуры полностью так и не описаны. Вопрос об их количестве также остается открытым, но думается, что концептов, выполняющих роль каркасов, которые определяют общие принципы построения нашего мировидения и миропонимания, более сотни.

При этом наибольшую сложность для описания представляют концепты, которые обедняются и упрощаются из-за узко позитивистского воззрения на мир, утраты *идеального библейского объема слова*. Слово – барометр праведности и правильности нашей жизни. Оно набирает глубину и мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Это такие общечеловеческие ценности, как *душа, вера, надежда, грех, спасение, милосердие* и др.

Одним из таких концептов, культурной универсалией, является *любовь*. Концепт любовь – это одновременно сложный духовно-нравственный и эмоциональный концепт. Хотя как концепт он описывался Ю.С. Степановым, С.Г. Воркачевым, он настолько многогранен и сложен, что ни одно из описаний нельзя считать исчерпывающим. Это сложная многоаспектная проблема, пограничная между искусством, философией, психологией, этикой, культурологией, теологией и др. науками. Научный интерес к *любви* обусловлен той ролью, которую она играет в жизни человека. Это интимное и глубокое чувство, объектом которого выступает сам человек, но могут быть и другие объекты, имеющие особую жизненную значимость.

Образцовым на сегодняшний день следует признать описание Ю.С. Степанова, который в книге «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» утверждает, что внутренняя форма данного концепта сформирована за счет лексем *любить, любовь*. Он отмечает, что глагол *любить* по происхождению и форме – каузативный, т.е. обозначающий «вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, – заставлять кого-то или что-то делать это». С течением времени он занял место глаголов всех трех фаз (по трехфазовой модели) и вобрал в себя их значения: 1) глагола 1-й фазы, который по своей форме в точности параллелен др.-инд. *lobhayati* «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять»; 2) глагола 2-й фазы, который должен был обозначать «впасть, погрузиться в состояние любви, желания чего-то»; 3) глагола 3-й фазы **льбети* «пребывать в состоянии любви, влечения к чему-либо или кому-либо».

Семантика глагола «любить» пополняется компонентами «обмануть», «исчезнуть», которые обнаруживаются при восстановлении глагола 2-й фазы – *льбнути(ся), следы которого можно найти в русском языке: *у-лыбнуть «обмануть», у-лыбнуться «пропасть»*. Во многих разговорных формах вместо «любить» используют «жалеть», но этот глагол передает не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе.

Косвенным образом, по семантическим следам, Ю.С. Степанов восстанавливает еще два значения:

- 1) «надежный; такой, кому можно довериться»;
- 2) «ценный». В современном немецком языке в слове с тем же корнем развилось еще и значение «верить» [5, с. 279-282].

Ю.С. Степанов отмечает присутствие в концепте «Любовь» еще одного элемента – «попеременного сравнения», взаимного уподобления двух лиц, который содержится в русской и английской языковых моделях этого чувства – в концепте «Нравиться». В русской модели *Она (он) мне нравится* источником устанавливающегося между двумя людьми отношения, чувства, выступает «другой» – агенс Б, «она»/«он», который и предстает здесь как субъект, противопоставленный агенсу А, «мне», «я», который в свою очередь является воспринимающим это отношение, его «вместилищем». Такой же элемент можно найти в английской модели *I like her (him)*, даже и по этимологическому смыслу слова – «Я подобен ей (ему)». Отличие от русской модели состоит лишь в том, что агенс А представлен здесь в субъектной, а не в объектной форме. Элемент сравнения же подчеркнут гораздо определеннее.

Компонент «подобие» в концепте «Любовь» выступает в динамичном плане – не просто как «подобие», а как «уподобление друг другу», что отражено в русском *влюбить (в себя) «заставить любить»*. Кроме того, по замечанию ученого, действие «уподобления-влюбления» совершается по модели «кругового общения» – агенс А воздействует на агенса Б, затем последний снова на первого, и т.д., что находит отражение в русском *влюбиться «влюбиться, влюбить себя в кого-то другого»*.

Таким образом, по мнению Ю.С. Степанова, внутренняя форма концепта «Любовь» складывается из трех компонентов:

- 1) «взаимное подобие» двух людей,
- 2) «установление, или вызывание, этого подобия действием»,
- 3) осуществление цикла действий по «круговой модели», в которой «адресантом» и «адресатом» попеременно выступают оба участника, причем «источником» всего цикла действий оказывается неактивный агенс, который затем, в середине «цикла», будет объектом любви [5, с. 284].

С.Г. Воркачев написал целую книгу о данном концепте, где выявил вариативность и ассоциативную «ауру» концепта «любовь» [1].

Однако при столь тщательном анализе за пределами описания у обоих авторов остались важнейшие культурные смыслы: «любовь» как ядро духовного кода, ибо *Бог есть Любовь* (1 Кор. 13, 4-9, 13). *Вера, надежда, любовь* стоят в одном ряду, но «любовь из них больше», т.к. она переживает надежду (Кор. 13,8-14). Отсюда следует, что существует еще одно понимание любви – теологическое.

Русская писательница и востоковед Л.В. Шапошникова отмечает, что пространство грядущего XXI века, по всей видимости, и станет главным полем процессов синтеза религии, науки и искусства, которые приведут к формированию качественно нового сознания и мышления, к созданию новой системы знания и познания. Так, в языкознании уже некоторые лингвисты (В.И. Постовалова, А.К. Гадомский, Е. Кухарская-Дрейсс) говорят не только об антропоцентрическом, но и о **теоантропокосмическом подходе** (впервые этот термин ввела в лингвистику В.И. Постовалова) к филологическим исследованиям, постепенно развивается новое направление – **теолингвистика** (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык), отцом которой называют Й.-П. ван Ноппена. Он считает, что теолингвистика пытается описать, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях. В популяризации термина «теолингвистика» велика заслуга Э. Кухарской-Дрейсс и А.К. Гадомского. При таком подходе возникает вопрос: концепты – не только ментальные, но и духовные сущности? Бесспорно.

Можно с уверенностью отметить, что основополагающими признаками **религиозного концепта** являются его сакральность и наличие у него ценностной составляющей. В процессе изучения и усвоения человеком религиозных текстов формируется когнитивный (взгляды, убеждения индивида) и эмоциональный (эмоциональная оценка данного феномена индивидом) концепты. Они формируют его ценностные ориентации, которые влияют на его поведенческие доминанты.

Изучение концептов, содержащих теологическую составляющую, к которым относится и *любовь*, предполагает выход на мистико-мировоззренческий уровень, что может быть осуществлено с помощью специального **теоконцептологического анализа**. Как отмечает В.И. Постовалова, в базисных религиозных концептах различаются семь уровней, или слоев, концептуального смысла:

– *первый уровень* смыслового содержания религиозного концепта образует инвариантный, надъязыковой, наднациональный и надкультурный, конфессиональный смысл, общий для соборного сознания всех ветвей и направлений в составе какого-либо определенного религиозного исповедания, например, христианства в целом;

– *второй и основной уровень* смысла религиозного концепта составляют мировоззренческие смыслы, вырабатываемые в конкретных конфессиональных ветвях определенного религиозного исповедания;

– *третий уровень* смысла религиозного концепта составляют духовные смыслы, вырабатываемые в различных этнических вариантах конфессиональных ветвей;

– *четвертый уровень* смысла образуют различные смысловые оттенки, привносимые в религиозный концепт при его осмыслении и переживании в различных обществах различных эпох (общецерковная жизнь, монашеское подвижничество и т.д.);

– *пятый уровень* смысла образуют смысловые оттенки, возникающие в восприятии религиозных концептов сквозь призму определенных символов, принятых в какой-либо конкретной духовной культуре – общенациональной или конфессиональной;

– *шестой уровень* смыслов в религиозном концепте образуют смысловые оттенки, привносимые при попытках прояснить духовный смысл концепта, опираясь на языковое чувство и народно-этимологическое восприятие слова, выражающего данный концепт в соответствующем языке;

– *седьмой уровень* смыслов в религиозном концепте образуют индивидуально-смысловые, личностные оттенки в интерпретации концептов у отдельных представителей определенного религиозного исповедания [4, с. 143-152].

Совмещая модель описания концепта Ю.С. Степанова и В.И. Постоваловой, получаем следующее описание концепта *любовь*. Любовь – есть «начало и следствие всякой духовной связи», невозможно любить Христа, не любя других, и наоборот. Опираясь на **Евангельское понимание любви**, приходим к выводу, что любовь – это высший смысл человеческого существования: «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга*» (Ин. 13, 34).

Важной особенностью христианской любви является – 1) любовь к ближнему как самому себе, т.к. любовь к каждому человеку – необходимое условие любви к Богу; 2) любовь к врагам своим: «*Любите врагов ваших*» (Мф. 5). Думается, эти ценности, а не мирское ее понимание, лежат в основе «общечеловеческого» (это первый и второй уровень, по В.И. Постоваловой).

Третий и четвертый уровни составляют духовные смыслы и смысловые оттенки, вырабатываемые различными этносами одной конфессии. Если по Г.-В. Гегелю идеалом любви служит любовь между братом и сестрой, а вершина нравственных отношений – внутри семьи, по А. Шопенгауэру, любовь – непреодолимая страсть, побеждающая голос разума, толкающая людей на жертву и вдруг исчезающая, как признак, то для русского философа В. Соловьева смысл любви – в стремлении человека к единению с другим, причем такому, в котором не теряется его индивидуальность. В любви человек преодолевает свой эгоизм, обретая свое настоящее «Я». Именно благодаря любви открывается идеальная сущность человека, закрытая его «материальной оболочкой». Любовь В. Соловьев отличает от «внеш-

него соединения» – от «житейского» (брачного) и особенно от «физиологического».

Для пятого и шестого уровня характерно следующее осмысление любви. Все человеческие благие деяния и намерения, все человеческое знание, даже пророческий дар, данный человеку Богом, – слабее любви. Об этом ярко и образно писал апостол Павел в послании к коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1-3).

Евангельские качества любви. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится; не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4-9, 13). На первом месте в этой фразе стоит долготерпение – «любовь долготерпит» (1 Кор. 13, 4). Долготерпение в своей практике рождает снисходительность к недостаткам других, которая превращается в любовь к ближнему. Милосердие любви – это больше, чем справедливость, т.к. она не требует наказания или даже остановки несправедливого деяния, понимая, что обидчик приносит больше вреда себе, чем другому, кого он обижает. Любовь не завидует – зависть – это негативное отношение к другому, при котором человек отделяет себя от объекта любви и по причине кажущейся несправедливости проникается недобрыми чувствами к способностям другого.

Любовь не превозносится, т.к. при этом также произошло бы отделение себя от другого вместо единения и унижение его, а в любви, наоборот, возвышается объект любви.

Любовь не гордится, т.к. гордость знает себе высокую цену и может обойтись без других, а любовь не может: ей необходимо изливаться на другого.

Любовь не ищет своего, т.е. не стремится к тому, чтобы все обстоятельства были в его пользу: он ищет лишь добра для любимого. Поэтому любовь соглашается со всеми обстоятельствами.

Любовь не мыслит зла: не только не делает, но и не мыслит, ибо помыслы тоже могут быть благими и грешными.

Любовь все покрывает, и покров любви – это сострадательный покров, соскорбящий. Отсюда жертвенность любви. Высшая формула любви звучит так: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей» (Ин. 15, 3). В Новом Завете неоднократно упоминается человеку о братской любви: «Всех почитайте, братство любите...» (1 Посл. Петра, 2: 17); Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна» (1 Посл. Иоан., 2: 9).

Любовь вневременна. Время, земля и все, что на земле, согласно Новому Завету, прекратится (Откр. 10,6), а любовь останется после исчезновения времени: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 4-9, 13). Любовь не устаревает и не проходит, ибо Бог есть Любовь.

Любовь не ведает страха: «В любви нет страха...Боящийся несовершенен в любви» (1 Посл. Иоанн., 4: 18). Многие в Новом Завете недоступно здравому смыслу: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19). Сходное отношение встречаем и в русской литературе, где часто любовь – сложная и парадоксальная реальность, парадоксальность ее в том, что она может стать трагедией для человека, погубить все самое дорогое для него:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...* (Ф. Тютчев).

И все же любовь – светоносное начало; так, современный поэт Анна Кондрюкова пишет:

*Любовь, и нет ее прекрасней,
Любовь пылает, как заря.
Любовь... как месяц летом ясный,
Как путеводная звезда.*

Любовь – абсолютное благо, как доброта, совесть, милость, сострадание. Все это созидательные ценности. Например, М. Цветаева, *лучший поэт XX века* (так ее оценил И. Бродский), вся поэзия которой

пронизана духом любви, писала:

*О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила – спасена!*

Жить для нее – значило любить. “Без любви я вообще не живу...”, – писала она позднее.

На седьмом уровне, по В.И. Постоваловой, находится уровень индивидуальных смыслов, личностные оттенки в интерпретации концепта. Так, современный священнослужитель А. Кураев пишет: «Можно желать блага другому, можно действовать ради другого. Это и называется любовью, и если Бог есть любовь – то он может желать приращения блага не Себе (в Нем все благо дано от века), а другим. Именно понимание Бога как Любви позволяет увидеть в нем личность и целеполагающий разум» [2].

О невозможности жить без любви, о надежде, что любовь к Богу научит по-новому любить человека, пишет молодой священник из Витебска: *Я пытаюсь сейчас научиться любить / Хоть кого-то, хоть краешком сердца / Я хочу научиться...*

Итак, **любовь** в Новом Завете – высшая ценность, высшее благо, без которой все позитивное в мире утрачивает смысл, а сама жизнь становится невыносима; такая любовь – это предел нравственного совершенствования человека.

Наблюдения над научными, художественными и др. типами текстов позволяют уточнить и расширить индивидуальные смыслы. При этом важно посмотреть на целую концептосферу, т.е. связь **любви** с *Богом, верностью, жертвенностью, преданностью, страданием, состраданием.*

Виды любви: *любовь-симпатия, страстная любовь, придуманная любовь, романтическая любовь, любовь-товарищество, слепая любовь, совершенная любовь, роковая, судьбоносная, неотвратимая, исключительная, прозаическая, спокойная, теплая, горячая, рассудочная, любовь по расчету, бескорыстная, иррациональная. Бывает любовь-дружба, любовь-привычка, любовь-борьба, любовь-мука, любовь-жертва, любовь-господство, любовь-преклонение и др.*

Любовь *универсальна*: красив человек или безобразен, богат или беден, молод или стар – он всегда мечтает о любви и ищет ее. Любовь лишает человека покоя, но придает ему огромную энергию, необходимую для развития личности.

Она тесно связана со *страданием*, даже разделенная любовь не менее мучительна, чем неразделенная. Но любовь измеряется не силой страдания, а силой сопротивления ему. Любовь – это жертвенность уже потому, что нужно подавить в себе какие-то привычки и уступить другому. А он должен также в чем-то уступить. Так рождается взаимоуважение (С. Дружинина, режиссер, АИФ, №1, 2012). Любовь меняется, т.к. меняется жизнь, сознание и духовное и эмоциональное содержание человека. Как бы нам этого не хотелось, но наша любовь не похожа на любовь тургеневских девушек, т.е. существует эволюция любви во времени: сначала к любви относились как к приятному развлечению, потом как к делу всей жизни, т.к. происходит духовная работа: любовь как вид духовного творчества. Это непрерывный и неблагодарный труд, а награда ему – приобретение душевной чуткости. Всякий влюбленный начинает все сначала и открывает в любви свое. Поэтому, как писал Ю. Мандельштам, поэт, эссеист, литературный критик, «самый невнимательный и неискушенный может почувствовать и заметить то, что ускользнуло от глубочайшего философа, от проникновеннейшего поэта, от опытнейшего искателя» [3, с.54].

Итак, светская любовь менее возвышенна, более приземленна, в основном телесна, хотя и помогает личности раскрыться, стать до конца собой. Однако Библия предупреждает нас: «Всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохнет трава, и цвет ее опал» (1 Посл. Петра, 24).

Любовь не избавляет человека от одиночества: человек рождается и умирает одиноко. Классическая литература пытается найти ответ на многие светские вопросы. Может ли человек любить несколько раз в жизни? Можно ли любить одновременно нескольких? Сколько людей – столько и ответов. Однолюб ответит так, а ловелас – по-другому. Любовь – сотрудничество двух одиночеств. Любовь не выносит лжи. Светская любовь смертна.

Таким образом, получая многочисленные оттенки в светской литературе, концепт, как ни странно, не обогащается, а обедняется: в лучшем случае низводится до философского альтруизма, а в худшем – совсем падает до физической сути – *секса*. Что при этом теряется? Глубокий христианский смысл любви как силы, преобразующей вселенную. Не случайно существует русская поговорка: *Любовь человеческая себя любит, а Божеская – друга*.

И это нужно постигать, ибо, как сказано во Втором послании к Тимофею апостола Павла, «все Писание богодухновенно и полезно для научения...» (3:16).

Литература:

1. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Кураев А. В. Если Бог есть любовь... / А.В. Кураев. – М.: Свято-Тихоновский Богословский институт, 2007. – №25. – 20 с.
3. Мандельштам Ю. О любви / Ю. Мандельштам // Человек. – 1992. – №1. – С. 53-62.
4. Постовалова В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении / В.И. Постовалова // Теолингвистика: Међународни тематски зборник радова = Теолингвистика: Междунар. тематический сб. ст. / под ред. А.К. Гадомски, К. Кончаревић. – Београд: Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања, 2012. – С. 143-152.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

V.A. Maslova

«LOVE YOUR ENEMIES ...»

THE SACRED AND THE SECULAR IN THE CONCEPT OF "LOVE"

The article deals with the concept of love as a complex moral and spiritual manifestation of the personality in which the sacred and the secular are closely intertwined. On the one hand, love is the gift of God, a supreme value; on the other hand, it is down-to-earth, mostly corporal, though it helps a person to open up an inner world.

Concept, the value of culture, theoanthropocosmic paradigm, theolinguistics, theoconceptological analysis